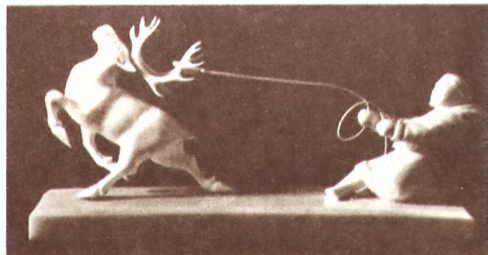

А. С. Пиманов

НЕНЦЫ СЕВЕРНОГО ЯМАЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

До войны население Ямальского района насчитывало 8842 чел. (в т. ч. коренных жителей 5596 чел., в большинстве ненцев, кочующих оленеводов)¹. Занимались ненцы и промыслом пушнины, но именно оленеводство являлось основой хозяйства местного населения. Из оленьих шкур они шили обувь, одежду, упряжь, шкурами покрывали чумы. Оленьё мясо являлось основным продуктом питания, в глубинных районах олени широко использовались в охотничьем промысле, для перевозки грузов².

Ненецкое оленеводство исторически было слабо связано с рынком. Продавали оленей редко и неохотно, по большей части жителям Обдорска – Салехарда и своим соседям, а также меняли на водку. Такое отношение к рынку вытекало из совершенно иного, нежели у местных коми-зырян, отношения ненцев к оленю. Для ненца олень являлся источником жизни, мерилom социального статуса, а не средством обогащения. Поэтому они тщательно избегали забоя домашних оленей сверх необходимого для удовлетворения своих потребностей. Под нож шли взрослые животные. Продавались одни шкуры, а все мясо практически съедалось³.

По количеству оленей Ямало-Ненецкий округ занимал до войны 2 место среди национальных округов Севера, уступая только Чукотскому округу. В 1940 г. их насчитывалось 358018 голов⁴, а в Ямальском районе было сосредоточено оленей больше, чем в любом другом районе округа – 159700 голов, или 44,6%⁵.

До войны 759 ямальских ненцев активно сдавали продукты охотничьего промысла. Большинство сочетали охоту с оленеводством и занимались ею, когда олени требовали наименьшего внимания⁶. Ненцы Ямала добывали половину всей пушнины по округу⁷.

Рыбодобычей в промышленных целях занималась лишь небольшая часть населения, проживавшая на побережье Оби, преимущественно в южной ее части и в устьях рек Таза, Пура и Гыданского залива⁸.

Все доходы население Северного Ямала употребляло в своем хозяйстве. В 1940-1941 гг. материальное положение ямальцев и, прежде всего, ненцев катастрофически изменилось. В эти годы для них были введены налоги, которые ранее они не платили. С этого все и началось. Обязательные и добровольные платежи в годовом доходе коренного населения стали составлять свыше 50%, оставшиеся средства не могли обеспечить даже прожиточного ми-

¹ ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 36. Л. 11.

² Ямало-Ненецкий национальный округ (Экономико-географическая характеристика). М., 1965. С. 163, 164.

³ Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень, 1995. С. 154.

⁴ ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 36. Л. 13.

⁵ Там же. Ф. 135. Оп. 42. Д. 10. Л. 9.

⁶ Копытова Е.М. Полевые материалы по Ямало-Ненецкому округу Омской области. 1940 – 1941 гг. // АНИИ МАЭ. К. 2. Оп. 1. № 158. 1941. С. 12, 60.

⁷ Тарасенков Г. Н. Ямальский национальный округ. 1935 // АНИИ МАЭ. К. 2. Оп. 1. № 185. С. 419.

⁸ ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 36. Л. 9.

нимума⁹. Денежные доходы колхозников в Ямальском районе в годы войны стали в 2 раза ниже, чем в Тазовском районе и составляли в среднем 1127 руб. в год¹⁰. В северной части района они были еще ниже – 500-800 руб. в год¹¹. Сравнивая положение с налогами в Первую мировую войну, ненцы спрашивали представителей власти: почему тогда с них брали меньше? На

что секретарь Сынской первичной парторганизации отвечала, например, так: «Раньше война была грабительская, а сейчас освободительная»¹². Такой ответ не мог удовлетворить даже неграмотных коренных жителей Ямала и вопрос, не нашедший ответа, оставался. Стало появляться недовольство.

Еще больше оно возросло во время кампании по сбору налогов. В ходе ее проведения, особенно на Северном Ямале, был допущен настоящий произвол. Частично это объяснялось некачественностью финансовых работников, отсутствием контроля за их деятельностью¹³. В 1943 г. налоги и платежи собирались не по срокам, а за весь год сразу¹⁴. Зачастую деньги с ненцев взимались под расписки, в которых не указывалась ни фамилия взявшего деньги, ни дата, когда они были взяты¹⁵. В том случае, если денег не хватало, финансовые работники без постановления суда, насильно заставляли коренных жителей продавать пушнину, оленей и даже национальную одежду¹⁶. Как выяснила проверка, в 1943 г. в Ямальском районе было допущено 222 случая незаконного взыскания налогов. В том числе по Северному Ямалу из проверенных 797 хозяйств в 102 случаях было переплачено 28288 руб., а всего по региону переплаты составили 56139 рублей¹⁷. Злоупотребления были особенно распространены в северных сельсоветах Ямальского района – Теутейском и Тамбейском.

В Тамбейском сельсовете из ненцев насильно выбивали «добровольные» платежи, в частности на второй военный заем. Собирали их одновременно с налогами¹⁸. Обо всем этом было известно вышестоящим органам, но они покрывали виновников и бодро рапортовали в вышестоящие инстанции об успехах в работе по сбору налогов и «добровольных» платежей. Так, 18 сентября 1942 г. руководитель бригады Омского обкома, проверявшей работу Ямало-Ненецкого окружкома ВКП(б), докладывала, что в Ямальском районе за 1943 г. билетов денежно-вещевой лотереи было размещено, вместо 50 тыс. руб. по плану, на сум-

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 14.

¹¹ Там же. Ф. 135.

Оп. 14. Д. 29. Л. 50 об.

¹² Там же. Ф. 135.

Оп. 13. Д. 1. Л. 19 об.

¹³ Там же. Ф. 723.

Оп. 14. Д. 2. Л. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Ф. 135.

Оп. 13. Д. 1. Л. 14 об.

¹⁶ Там же. Ф. 723.

Оп. 14. Д. 2. Л. 9.

¹⁷ Там же. Ф. 135.

Оп. 13. Д. 4. Л. 120.

¹⁸ Там же. Ф. 723.

Оп. 14. Д. 1. Л. 8.

му 70 тыс. руб., подписка на военный заем также превысила контрольную цифру¹⁹. Секретарь Ямальского райкома ВКП(б) информировал Ямало-Ненецкий окружком, что за 1943 г. в районе было собрано средств в фонд обороны 223929 рублей. На строительство танков, боевых кораблей - 151908 руб., отправлено посылок в действующую армию - 258 на сумму 52938 рублей. Принято облигаций в фонд обороны на 329080 рублей. Собрано и сдано вещей для Красной Армии - 1132 штуки. Кроме того, в фонд помощи Запорожской области с населения было взято 17817 руб., вещей - 813 штук, оленей - 5, шкур - 14, книг - 81. По данным окружного отдела НКВД много средств, незаконно собранных в виде платежей и налогов, было присвоено финансовыми работниками²⁰.

Следует отметить, что ненецкому менталитету не был чужд патриотизм. Ведущуюся войну они воспринимали как справедливую, освободительную. Когда в 1941 г. в Гыду пришла весть, что началась война, ненцы были убеждены, что «саю» - враги хотят отобрать у них их землю²¹. Земля по-прежнему находилась во владении различных ненецких родов - Тузеда, Окатэтто, Вануйто, Ламду, Вананга, Салиндер, Яптик. Для оленеводов пастбища являлись главной ценностью. Отношение к ним выражалось поговоркой: «Земля после нас останется». Поэтому коренное население было полно решимости защищать ее от врагов. Грамотных среди коренного населения Ямало-Ненецкого округа было всего 6 процентов. Из-за низкого образовательного уровня до войны их в армию не брали. В годы войны среди более 7 тыс. чел., призванных из округа, «националы» составляли всего 600 человек²². Коренное население прекрасно понимало, что защищать свою землю можно было и другим путем: помогая государству. И ненцы оказывали такую помощь. Однако поборы сверх всяких разумных пределов не способствовали росту патриотических чувств коренного населения и уважению к власти.

Положение коренных жителей Ямала резко ухудшилось в связи с принятием постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока». Выполнение данного постановления стало центральной задачей советских и партийных органов северных округов. Документ требовал резко увеличить вылов рыбы. Выполняя это решение, бюро Ямало-Ненецкого окружкома ВКП(б) потребовало 2 июня 1942 г. все простейшие производственные товарищества (ППТ) Приуральского, Пуровского, Тазовского и Ямальского районов перевести в течение года на Устав рыболовецких и сельскохозяйственных артелей²³. До 1940 г. в округе было 52 ППТ, в годы войны 48 из них были переведены на Уставы рыболовецких и сельскохозяйственных артелей²⁴.

Наибольший удельный вес ППТ имели до войны в северной части самого отдаленного Ямальского района. Все новые преобразования в то время происходили главным образом на юге Ямала, в то время как жители северной части полуострова сохраняли

¹⁹ Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 39. Л. 2.

²⁰ Там же. Ф. 135. Оп. 13. Д. 4. Л. 13 об.; Д. 1. Л. 14.

²¹ Харючи Г. Гыда: годы и судьбы // Красный Север. Орган окружкома КПСС и Совета народных депутатов Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области. 1993. № 4.

²² ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 14. Д. 1. Л. 46, 46 об.

²³ Там же. Ф. 135. Оп. 11. Д. 3. Л. 4-7.

²⁴ Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 36. Л. 9.

традиционный уклад жизни. Ненцы недоверчиво относились к преобразованиям новой власти. По системе традиционного землепользования вся территория, на которой они проживали, была распределена между родовыми группами и считалась, как мы уже отмечали, их собственностью. Национализация земли лишала ненцев традиционных прав собственности, что вызывало недовольство. Социальная политика советской власти, направленная на разобщение единой этнической общности, выделение и осуждение богатых сородичей, разрушала традиционную помощь и поддержку между членами одного рода. Имевшиеся на Севере немногочисленные колхозы состояли до войны главным образом из бедняков²⁵.

Постановление СНК и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. положило начало глубочайшей ломке, к которой коренное население Северного Ямала не было готово. В 1943 г. был сделан еще один шаг в коренном сломе сложившихся хозяйственных направлений наспех образованных колхозов. Решением бюро Ямало-Ненецкого окружкома от 29 июля 1943 г. оставшиеся ППТ и большое количество сельхозартелей было переведено на устав рыбацкой артели²⁶. Причем выполнить это постановление было приказано за 2 месяца – к 1 октября 1943 г. Если в начале 1940 г. 109 колхозов округа объединяли 14 сельхозартелей, 25 рыбацких артелей и 70 ППТ, то на 1 января 1945 г. картина радикально изменилась: 83 колхоза объединяли 19 сельхозартелей, 59 рыбацких артелей и 5 ППТ²⁷. ППТ как форма кооперирования, больше всего устраивавшая коренных жителей, почти полностью исчезло. Искусственно было раздуто число колхозов на уставе рыбацкой артели. Как позднее признали окружные власти, перевод ППТ на устав рыбацкой или сельскохозяйственной артели в 1942 г., а также перевод сельхозартелей на устав рыбацкой артели в 1943-1944 гг. были осуществлены без какой-либо подготовки, без учета особенностей хозяйственного направления районов, традиций местного населения²⁸ и, добавим от себя, без учета его мнения. Последнее, по тогдашним меркам, и не подлежало учету. Особенно болезненно такое форсирование коллективизации воспринималось коренным населением Северного Ямала, менее других подготовленным к этому. На 1 января 1945 г. здесь имелось 8 колхозов, 7 из них на уставе сельхозартелей и лишь 1 на уставе ППТ. Они объединяли 444 хозяйства, 2155 колхозников – все они были ненцами²⁹.

Решения 1942-1943 гг. положили начало глубочайшему кризису оленеводства, которое было основой хозяйства ямальских ненцев. Преобразования сопровождались почти полным обобществлением оленей, которыми владели единоличники. За годы войны поголовье оленей в таких хозяйствах сократилось по округу на 95,3%³⁰. Более всего это ударило по ненцам, проживавшим на Северном Ямале, т. к. здесь концентрировалась основная масса зажиточных оленеводческих хозяйств, не только местных, но и бежавших в 1930-е гг. от коллективизации из

²⁵ Головнев А.В., Зайцев Г.С. История Ямала. Тобольск – Ярсале, 1992. С. 72.

²⁶ ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 12. Д. 1. Л. 34-34об.

²⁷ Там же. Ф. 135. Оп. 14. Д. 1. Л. 31.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Ф. 135. Оп. 14. Д. 29. Л. 50.

³⁰ Там же. Ф. 135. Оп. 14. Д. 1. Л. 29.

Тазовского района и Южного Ямала³¹. Не желая отдавать своих оленей в общественное стадо, ненцы-единоличники забивали их. Особенно широкий размах это явление приобрело в 1942 г., когда по округу поголовье оленей снизилось сразу на 80 тыс. голов,³² половина этого количества пришлось на Ямальский район – 40 тыс. голов³³.

В годы войны все внимание советских и партийных органов Ямало-Ненецкого округа было сосредоточено на увеличении добычи рыбы. Для этого с 1941 г. стали привлекать тундровое южно-ямальское и приуральское население. После постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. рыбодобычей заставили заниматься почти все колхозы округа. Часть рыбаков-колхозников Южного Ямала, промышлявших ранее на озерах, на время массового хода рыбы в Обской губе стали перебрасываться в район Новопортовского рыбозавода. Население северной части Ямальского полуострова, никогда ранее не занимавшееся рыбным промыслом в промышленных целях, вынуждено было под давлением властей перейти к незнакомому для них виду деятельности.

Доходы этой части коренных жителей Ямала резко упали. Сказывалось отсутствие навыков лова в промышленных целях, почти полное отсутствие орудий лова. Промысловая деятельность на северной оконечности полуострова, в бассейнах Байдарацкой губы и Гыданского залива, а также в северной части Обской губы до 1942 г. отсутствовала, поэтому водоемы были совсем не изучены³⁴. Ненцы, брошенные на рыбодобычу в этих районах, обрекались на нищенское существование.

В добавление к этому резко снизились доходы от оленеводства – основной отрасли хозяйства ненцев Северного Ямала. Эта отрасль в годы войны была поставлена в дискриминационные условия по сравнению с рыбодобычей. В отличие от рыбы и пушнины, за продажу которых в порядке целевого снабжения отпускались продовольственные и промышленные товары, продажа оленьих шкур и мяса такими товарами не обеспечивалась. Существовавшие заготовительные цены на оленье мясо были крайне низкие. Оно оплачивалось по 220 руб. за центнер, туша одного взрослого оленя стоила в среднем 90-110 рублей³⁵. По этим причинам сильно упала заинтересованность в развитии коллективного оленеводства.

В годы войны поголовье оленей в округе, и особенно на севере Ямала, резко сократилось. Сокращение по округу составило 41,2% (с 382,3 тыс. голов в 1940 г. до 225 тыс. в 1945 г.)³⁶. В первую очередь снижение произошло за счет стада единоличников и оленей в личном хозяйстве колхозников. Поголовье оленей в личном пользовании колхозников Ямальского района убыло к марту 1944 г. по сравнению с довоенным периодом на 64% (со 100 тыс. голов до 44 тыс.)³⁷. Об одной из причин этого явления мы уже упоминали – это забой оленей, которые подлежали обобществлению. Другая причина состояла в ином отношении новоиспеченных колхозни-

³¹ Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 36. Л. 11.

³² Там же. Ф. 135. Оп. 14. Д. 1. Л. 29.

³³ Там же. Ф. 723. Оп. 14. Д. 2. Л. 4 об.

³⁴ Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 66. Л. 3.

³⁵ Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 11. Л. 29.

³⁶ Ямало-Ненецкий национальный округ (Экономико-географическая характеристика). М., 1965. С. 164.

³⁷ ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 13. Д. 1. Л. 21.

ков к общественному стаду, чем к оленям в личном пользовании. Это отношение в документах называется такими словами, как «варварское», «безобразное», «безответственное»³⁸. Общественных оленей вчерашние единоличники не берегли и не щадили. В отношении к коллективной собственности ненцы ничем не отличались от большинства советских колхозников.

Значительный падеж оленей происходил в результате их истощения от чрезмерного использования при транспортировке рыбопродукции. В довоенное время для этого применялись кастрированные быки (хора) и яловые важенки (хабтарка)³⁹. В связи с большим ростом рыбодобычи в годы войны, имевшиеся у рыбозаводов суда не справлялись с перевозками, и в качестве транспортных средств широко стали использоваться олени, в том числе в большом количестве важенки (яхадей) и даже двухгодовалые олени (намна). Многие важенки от этого становились яловыми. Было нарушено соотношение этих видов оленей в стаде, из-за чего сокращалось воспроизводство.

В немалой степени уменьшению стада оленей способствовали усиленные заготовки мяса различными организациями (торгпит, военторг, кооперация и т. д.). За годы войны на эти цели было забито 80 тыс. голов.

Поголовье сокращалось также из-за неудовлетворительного зооветеринарного обслуживания. По этой причине по общественному сектору пало более 40 тыс. голов. Зооветобслуживание личного поголовья полностью отсутствовало⁴⁰. Эпидемии выкашивали целые стада.

В определенной степени обострял кризис оленеводства топливный кризис в округе. В 1942 г. потребности в топливе покрывались за счет завоза древесины из-за пределов округа, а в 1943 и 1944 гг. этот завоз был резко снижен. В 1943 г. в южных райо-

³⁸ Там же. Ф. 135. Оп. 14. Д. 29. Л. 50 об; Ф. 723. Оп. 14. Д. 2. Л. 4 об.

³⁹ Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень, 1995. С. 38.

⁴⁰ ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 14. Д. 1. Л. 29 об.

нах округа это не так ощущалось, т. к. имелись запасы. В 1944 г. город Салехард и районы оказались без топлива. Местная топливная промышленность резко снизила заготовки дров с 20,5 тыс. кубометров в 1941 г. до 11,8 тыс. в 1943 г. Это явилось причиной срыва снабжения топливом населения северных районов⁴¹. В Ямальский район лес доставлялся сплавом из Салехарда, но в районе отсутствовали катера для уплотнения плотов. В реку Южбу большие катера не могли заходить, поэтому они оставляли лес на Оби. Имелись потери по пути буксировки, к тому же штормы разбивали плоты. В результате Ямальский район с 1942 по 1948 гг. оказался без топлива. Его отсутствие компенсировалось незаконными порубками тальника и редколесья в ущерб оленеводству и ненецкому каслающему населению⁴².

Но наибольший удар по поголовью оленей был нанесен их забоем на личное потребление самим населением. Эта причина в документах называется как главная в катастрофическом сокращении поголовья оленей в личном пользовании⁴³. Данный забой был вынужденным, так как питаться, кроме оленьего мяса, было нечем.

В годы войны в национальных округах, как и по всей стране, было введено нормированное снабжение продуктами питания и промтоварами. Ненцы называли военные годы «нормпо» (от слова «норма»). В тундре по карточной системе работающие должны были получать по 700 граммов хлеба, а иждивенцы по 500 граммов⁴⁴. Однако даже эти недостаточные нормы часто нарушались. Снабжение тундрового населения значительно ухудшилось. Завоз основных продуктов питания и промтоваров на Север производился в основном один раз в год теплоходом «Анастас Микоян»⁴⁵. С началом войны количество завозимых грузов и их ассортимент сильно сократились. Полностью была прекращена доставка товаров национального спроса⁴⁶ (листовой табак, цветные и грубые сукна, цветные азиатские хлопчатобумажные ткани, медные, специальной формы чайники, кувшины, тазы, чайная посуда, бусы, бисер, цветная кожа). Обладание этими товарами, которые для русских были не столь важны, для коренного тундрового населения было признаком благополучия и предметом нескрываемой гордости. Война-войной, а в глазах ненцев власть, не способная обеспечить снабжение престижными для них товарами, теряла немалую часть авторитета. Тем более, что ранее таких долговременных сбоев в снабжении не было.

В распределении других промышленных товаров и продуктов питания царил откровенный хаос и произвол. Карточки из-за недостатка бумаги посылали в отдаленные районы округа несвоевременно. Поэтому продукты на Северном Ямале, Тазовском и Пуровском районах отпускались по спискам, оформление которых было фактически доверено продавцам. Те составляли их совершенно произвольно, не забывая прежде всего себя, своих родственников и знакомых. В ноябре 1943 г.

⁴¹ Там же. Ф. 135. Оп. 14. Д. 1. Л. 28.

⁴² Там же. Ф. 723. Оп. 19. Д. 77. Л. 2 об.

⁴³ Там же. Ф. 124. Оп. 54. Д. 159. Л. 26.

⁴⁴ Харючи Г. Указ. соч.

⁴⁵ ТОЦДНИ. Ф. 124. Оп. 2. Д. 36. Л. 12.

⁴⁶ Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 12. Л. 58.

при распределении фондов на промтовары их отдали на откуп директорам рыбозаводов. Понятно, что лучшая часть промтоваров выдавалась работникам контор и обрабатывающих цехов. Для рыбаков, а тем более для оленеводов эти товары были просто недоступны⁴⁷.

Продуктовые нормы, к тому же доходящие до жителей тундры в урезанном виде, не могли обеспечить даже скромные потребности в продуктах питания. Материалами для пошива национальной одежды ненцев не снабжали. Чтобы прокормиться и одеться, они вынуждены были нарушать вековые традиции и резать своих оленей сверх критической нормы, выход за пределы которой угрожал воспроизводству. Средние хозяйства быстро переходили в разряд малооленных (от 10 до 15 голов), а эти в свою очередь так же быстро пополняли число безоленных. К концу 1944 г. в Ямало-Ненецком округе насчитывалось около 1500 малооленных и безоленных хозяйств, или 30% к общему их числу,⁴⁸ на Северном Ямале — 167, или 37,6%⁴⁹. Такие хозяйства вынуждены были нищенствовать, перебиваясь случайными заработками. Дело дошло до того, что в годы войны среди коренного населения округа и Северного Ямала широкое распространение получила цинга. Болели ею прежде всего те представители коренного населения, которые не имели своих оленей⁵⁰. Дело в том, что издавна ненцы, например, потребляли свежую кровь оленей, одно из целебных свойств которой состояло в том, что она помогала избегать цинги, очень опасной в северных условиях⁵¹.

Глубокий кризис оленеводства отрицательно сказался и на других отраслях хозяйства ямальских ненцев, в частности на охотничьем промысле. Стало сокращаться число охотников, соответственно количество добываемой пушнины и доходы от нее⁵². Без оленей как транспортного средства охота была невозможна. В феврале 1945 г. газета «Красный Север» сообщила о том, что рекорд по округу установил охотник Тамбейского района Григорий Юдин, сдавший песцов на 9613 рублей. За сданную продукцию он получил за квартал почти тонну муки, 67 кг крупы, 38 кг сахара, 19 кг масла и 8 литров спирта⁵³. Такие случаи были редким исключением. К тому же Г. Юдин был русский, к коренному же населению заготовительные и торговые организации относились несколько поиному, о чем еще расскажем.

Серьезным фактором, влиявшим на рост недовольства коренного населения, являлось насильственное привлечение их детей в школу. Работники Ямальского красного чума, вербуя детей в интернат, расположенный в Дровяной, незаконно взыскивали с ненцев штраф в 100 руб., если они отказывались посылать туда своих детей⁵⁴. Как мы уже отмечали, новые преобразования лишь в малой степени затронули североямальских ненцев. Общественное мнение у них по-прежнему формировали шаманы, а они выступали против того, чтобы детей ненцев отдавали в школы. Сами же ненцы считали, что неграмотного не заберут в армию и не посадят⁵⁵. К тому же условия в

⁴⁷ Там же. Ф. 135. Оп. 13. Д. 1. Л. 16 об. 19 об. 20.

⁴⁸ Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 11. Л. 28.

⁴⁹ Там же. Ф. 135. Оп. 14. Д. 29. Л. 50 об.

⁵⁰ Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 36. Л. 21; Д. 12. Л. 58.

⁵¹ Ямал — знакомый и неизвестный. С. 39.

⁵² Ямало-Ненецкий округ (Экономико-географическая характеристика). С. 164.

⁵³ Красный Север. 1945. 2 февраля.

⁵⁴ ТОЦДНИ. Ф. 135. Оп. 14. Д. 29. Л. 14 об.

⁵⁵ Там же.

школах, мягко выражаясь, были далеки от нормальных. Учителя, как правило, имели низкую квалификацию, не владели ненецким языком, а дети – русским. Имелось всего 3 школы, где числилось 102 учащихся, а всего детей школьного возраста было 341 человек. Школы располагались в приспособленных помещениях, которые не ремонтировались, почти

полностью отсутствовали учебники на ненецком языке, наглядные пособия. Не было топлива. В феврале 1945 г. по этой причине Тайбейскую и Сеягинскую школы закрыли, а школа в Дровяной работала с перебоями до 15 мая⁵⁶. В предшествовавшие годы положение было еще хуже. Дети вынуждены были страдать от холода, жили впроголодь. Некоторые учителя вели себя с детьми грубо, а заведующая интернатом в Дровяной даже была их⁵⁷. Ненцы тайно увозили своих детей из школ, за что подвергались гонениям со стороны местных властей.

По мере накопления лишений ненцы все более приходили к мысли, что главным виновником нищеты и произвола является власть. Олицетворением этой власти были «русские начальники» разного калибра – директора рыбозаводов, начальники рыбоучастков, председатели сельсоветов, заготовители, работники торговли, красных чумов, учителя, медицинские работники. Все представители не их племени для ненцев были «русскими начальниками», хотя конкретно взятый начальник мог быть из переселенцев различных национальностей. Среди русских, тем не менее, имелись люди, которые пользовались огромным авторитетом у коренных жителей. Это Семен Гаврилович Басаргин – основатель фактории на Матюй-Сале,⁵⁸ Алексей Федорович Федоров – руководитель одной из лучших на Ямале – Яр-Салинской фактории⁵⁹ и некоторые другие.

С началом войны состав некоренного населения Ямальского района сильно изменился. К 288 «кулакам», высланным сюда еще в 1930-е гг., добавили 226 чел. немцев, 202 чел. – членов семей «украинских националистов» и молдаван и даже 4 калмыка. Всего 720 спецпоселенцев. Из них на Ново-Портовском рыбозаводе работало 189 чел., в т. ч. 24 на инженерно-технических должностях. На Пуйковском рыбозаводе трудилось 149 чел., в т. ч. на инженерно-технических должностях – 16. В торгующих организациях Ново-Портовского рыбокооператива работали 34 спецпоселенца. На руководящих должностях – 75 чел., учителями – 5 чел., в здравоохранении – 6 человек⁶⁰. Естественно, что

⁵⁶ Там же. Ф. 135. Оп. 14. Д. 29. Л. 50 об.

⁵⁷ Там же. Ф. 135. Оп. 14. Д. 29. Л. 14 об.

⁵⁸ Сибирский тракт. 1993. № 3. С. 11.

⁵⁹ Головнев А. В., Зайцев Г. С., Прибыльский Ю. П. История Ямала. Тобольск-Яр-Сале, 1994. С. 85.

⁶⁰ ТОЦДНИ. Ф. 3894. Оп. 2. Д. 9. Л. 285, 286, 289, 293, 294.

среди ссыльных были разные люди. Некоторые из них выучили ненецкий язык, хорошо знали обычаи и нравы аборигенов тундры и уважительно к ним относились.

Много мужчин из некоренного населения ушло на фронт, можно сказать, что лучшая их часть. Кроме негодных по состоянию здоровья к призыву, на полуострове осталось немало тех, кто решил отсидеться в трудную для страны пору, прикрываясь броней, фальшивыми справками. Поэтому, видимо, секретарь Тамбейского райкома ВКП (б) Г. В. Сидоров информировал в июле 1945 г. окружком партии о том, что «среда из русских довольно нездоровая. Приходишь к такому выводу, что большинство Тамбейских, Сеягинских и Дровяных обывателей, приехавших сюда для личной наживы и проживающих здесь продолжительное время, надо из района вывозить, толку и работы от них нет»⁶¹. Любопытно, что и сам Г. В. Сидоров и его заместитель – второй секретарь Тамбейского райкома Д. А. Зуев были сняты в 1947 г. с работы. Первый с формулировкой «за морально-бытовое разложение, необеспеченность работы», а второй «как не справившийся с работой и скомпрометировавший себя»⁶².

Неотъемлемой частью образа жизни обывателей, как писал Г. В. Сидоров, было пьянство. Пили запоями работники Северо-Ямальского и Южно-Ямальского красных чумов во главе со своими начальниками Топорковым и Елсуфьевым, начальник рыбоприемного пункта в Мордо-Яге Кульмурзаев (этот деятель печать на свои приказы ставил пробкой от водочной бутылки, запугивая этим ненцев), секретарь Тамбейского сельсовета Храпов, секретарь Тамбейской парторганизации Скляров⁶³. Вышестоящие органы, в т. ч. и работники окружкома ВКП(б), покрывали пьяниц, видимо, потому, что сами были не ангелы. На VII партконференции Ямало-Ненецкого окружкома в феврале 1945 г. отмечалось, что в округе процветали «пьянки коллективного характера, в них принимали участие окружной партийный актив, в т. ч. и секретари окружкома ВКП(б)»⁶⁴.

«Русские начальники» вели себя в тундре так, что восстали против себя значительную часть населения. После трагических событий декабря 1943 г. эта проблема была подвергнута тщательному анализу на собрании партийного актива Ямальского райкома 2 марта 1944 г., на XII пленуме Ямало-Ненецкого окружкома 18-19 марта 1944 г., в постановлении бюро Омского обкома 28 февраля 1944 г., в докладной записке в ЦК секретаря Ямало-Ненецкого окружкома П. И. Гулина в июле 1944 г. Анализ был беспощадным, мы бы даже сказали, что в этой беспощадности присутствовал некоторый оттенок мазохизма. Очевидно, тон критике был задан оценками, данными в постановлении бюро Омского обкома ВКП (б) от 28 февраля 1944 г. Приведем лишь некоторые высказывания о поведении «русских начальников» в тундре Северного Ямала: «творили безобразия» (Малюгина, судья Ямальского районного суда), «творили издеватель-

⁶¹ Там же. Ф. 135. Оп. 14. Д. 29. Л. 47.

⁶² Там же. Ф. 135. Оп. 16. Д. 1. Л. 53 об.

⁶³ Там же. Ф. 135. Оп. 13. Д. 1. Л. 13; Ф. 723. Оп. 14. Д. 2. Л. 1 об, 13 об.

⁶⁴ Там же. Ф. 135. Оп. 14. Д. 1. Л. 18.

ства» (Дзенис, окружной прокурор), «творили свои грязные дела» (Броднев, заместитель председателя окрисполкома), «вели себя в тундре, как завоеватели» (Брюховецкий, директор Ново-Портовского рыбозавода), «проявляли элементы великодержавного шовинизма» (Кузьмин, лектор Салехардского горкома ВКП(б))⁶⁵.

Нельзя не согласиться с тем, что по отношению к ненцам многие представители власти проявляли грубость, были налицо и жульничество и грабеж. Как еще иначе можно назвать систематические обсчеты рыбозаводов при приеме рыбы у местного населения, искусственное снижение сортности принимаемой продукции?⁶⁶ Какими другими словами, помимо слова «грабеж», можно назвать кампанию по сбору налогов и платежей в 1942 и 1943 гг.? Вполне правомерно употреблять это слово в отношении действий директора Полярного рыбозавода, который кроме установленных 20% отчислений с ненецких колхозов за амортизацию орудий лова, незаконно удержал с них в течение 1943 г. за соль, тару и амортизацию орудий лова 30968 рублей⁶⁷. Это была немалая сумма и ее незаконное присвоение подорвало экономику хозяйств.

Такие явления не в последнюю очередь объяснялись отсутствием контроля за действиями различного рода мелких «русских начальников» в тундре. Ямальский район был самый удаленный в округе. Северные колхозы находились на расстоянии 600-800 км от районного центра, расположенного в Яр-Сале, а от Салехарда были удалены на 800-1200 км. Газета из Тюмени до Тамбея доходила за 2,5 месяца, а из Салехарда – за 1,5 месяца, ни один населенный пункт района не имел радиотрансляционной станции, ни одной киноустановки, в радиосвязи между Салехардом и Яр-Сале были постоянные помехи. Летом связь с национальными колхозами поддерживалась только водным путем посредством единственного рейса, который совершал теплоход «Анастас Микоян». Зимой поездка от Яр-Сале до Тамбея занимала 20-30 дней. Работники райкома и райисполкома тратили на одну командировку 3-4 месяца. В 1943 г. они впервые появились на Северном Ямале лишь в сентябре, т. е. незадолго до известной «Мандалы-43»⁶⁸.

Итог был печален. Все документы фиксируют беспощадный вывод: партийные и советские органы, русское население не пользуется авторитетом среди коренных жителей на Северном Ямале, «шаманы имеют больший авторитет, чем советская власть»⁶⁹. Документы свидетельствуют, что отношение к власти перешло от недовольства до озлобления⁷⁰. Пик его пришелся на конец 1943 г. – это еще один вывод, к которому мы пришли. Как видно из сказанного, основания для этого у большинства ненецкого населения Северного Ямала были. В декабре произошли массовые волнения, о которых впервые рассказал в своей публикации А. А. Петрушин⁷¹.

⁶⁵ Там же. Ф. 723. Оп. 14. Д. 2. Л. 1 об.; Ф. 135. Оп. 13. Д. 1. ЛЛ. 13, 17, 18.

⁶⁶ Там же. Ф. 135. Оп. 13. Д. 1. Л. 19 об.

⁶⁷ Там же. Ф. 723. Оп. 14. Д. 1. Л. 35 об.

⁶⁸ Там же. Ф. 124. Оп. 2. Д. 36. Л. 11; Ф. 135. Оп. 13. Д. 1. Л. 15; Оп. 14. Д. 1. Л. 37 об.; Д. 29. Л. 47 об.

⁶⁹ Там же. Ф. 135. Оп. 13. Д. 1. Л. 13 об. 14 об.; Оп. 18. Д. 8. Л. 1 об.

⁷⁰ Там же. Ф. 135. Оп. 13. Д. 1. Л. 13.

⁷¹ Петрушин А. А. Мандала-43. // Тюменские известия. 1990. 29 сентября.